

Латыш Н. М. ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ ВО ВРЕМЕНИ

В статье представлены результаты исследования конструктивного мышления младших школьников в процессе решения творческих задач в условия ограничения во времени. В частности осуществлен анализ особенностей формирования конструктивного замысла в усложненных условиях и установлено влияние временных ограничений на уровни проявлений конструктивного мышления учеников этой возрастной категории. Представлена характеристика типов реагирования испытуемых на такой вид усложненных условий, как ограничения во времени.

Ключевые слова: конструктивное мышление, усложненные условия, типы реагирования на усложненные условия.

Latysh N. M. CONSTRUCTIVE THINKING FEATURES OF JUNIOR PUPILS IN THE CONDITIONS OF TIME LIMITATION

Article presents the research results of junior pupils' constructive thinking in the process of creative tasks solving in conditions of time limitation. Particularly the analysis of features of constructive idea forming in complicated conditions is made and the influence of time limitation on the levels of constructive thinking of junior pupils is determined. Characteristics of the types of reaction on such kind of complicated conditions, as time limitation are presented.

Keywords: constructive thinking, complicated conditions, types of reaction on complicated conditions.

УДК 159.9

Мазилев В. А. (г. Ярославль)

**ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
В ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ**

Стаття присвячена передісторії дослідження творчого мислення в гештальтпсихології. Представлено комплекс вихідних уявлень про мислення в гештальтпсихології, виокремлено три етапи еволюції гештальттеорії мислення.

Ключові слова: гештальтпсихологія, мислення, творче мислення, етапи еволюції гештальттеорії мислення.

Фактически мышление явилось стержневой проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) в этой научной школе практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление, выступавшее в качестве высшего проявления человеческого сознания, не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии и гештальтпсихологии со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтистов на создание подлинно научной психологии.

Неверно было бы представлять дело так, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделялись бы всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (Макс Вертгеймер, Курт Коффка, Вольфганг Келер, Норман Майер, Лайош Секей и др.) зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Существенно, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения. Ра-

боты гештальтпсихологов неоднократно публиковались на русском языке, теоретические и экспериментальные исследования мышления в гештальтпсихологии многократно анализировались в отечественной литературе, что избавляет от необходимости изложения концепций гештальтистов. Представляется особенно интересным зафиксировать комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии и попытаться проследить хотя бы в самых общих чертах направление эволюции взглядов на мышление в этой научной школе.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу исследования попало и мышление. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, гештальтпсихологи предприняли попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противопоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от произвола, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, пафос гештальтпсихологии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. На наш взгляд, полезно рассмотреть те работы по психологии мышления, которые были выполнены Максом Вертгеймером в «догештальтистский» период.

Макс Вертгеймер, начинавший свой творческий путь в Вюрцбурге, сразу же понял, что традиционная интроспективная психология не в состоянии обеспечить жизненность психологической науке. Поэтому уже первые работы Макса Вертгеймера, выполненные в 1904-1910 гг., свидетельствуют о том, что целью молодого психолога была разработка новой психологии, которая сочетала бы научность и жизненность. Работа по исследованию особенностей счета у примитива (Wertheimer, 1906), по нашему мнению, может претендовать на приоритет в разработке проблемы практического мышления. Успех этой работы, как представляется, в сочетании целостности, конкретности, практичности. В дальнейшем, к сожалению, Вертгеймер сделал ставку лишь на целостность: он стал крупнейшим теоретиком, создателем гештальтпсихологии – мощного научного направления. Мечта о жизненности-практичности осталась нереализованной. В двадцатые годы после классической работы Келера об интеллекте антропоидов понятие «практического мышления» завоевывает все большую популярность.

Обратимся к работам Макса Вертгеймера, который, повторим, с нашей точки зрения, является пионером научных исследований практического мышления. М. Вертгеймер (1880-1943), основатель гештальтпсихологии, начал свою психологическую карьеру в Вюрцбургском психологическом институте. Вюрцбургская школа, известная своими экспериментальными исследованиями по психологии мышления, в некоторых отношениях была наследницей психологии Вильгельма Вундта, в других – вступала в острую полемику с «отцом научной психологии». Докторская диссертация Макса Вертгеймера, выполненная в Вюрцбурге (одним из испытуемых в экспериментах Вертгеймера был сам Освальд Кюльпе – признанный лидер Вюрцбургской школы), была посвящена изучению возможностей ассоциативного эксперимента, предложенного знаменитым швейцарцем Карлом Юнгом. Вертгеймер мечтал реформировать психологию: пороки вундтовской науки были очевидны, программа вюрцбургцев была ограничена и непоследовательна. А са-

ма психология была безжизненна, парила в «стратосфере абстрактных идей», как выразился в своих Тевистокских лекциях Карл Густав Юнг. М. Вертгеймера привлекало другое. Вот характеристика традиционной психологии: «От событий жизни идут к науке, ищут в ней разъяснения сущности происходящего, погружения, проникновения в нее. При этом, правда, находят многочисленные поучения, сведения, указания на связи, но все же чувствуют себя после этого беднее, чем раньше» (цит. по Теплов, 1981, с. 117). Желавшего получить помощь «от научной психологии» ожидает жестокое разочарование: «Справимся же, что говорят по этому вопросу психология, учебники педагогики и педагогической психологии. Я рекомендую вам действительно проделать это и именно с такой точки зрения. Вы ужаснетесь бедности, сухости, нежизненности и совершенной несущественности того, что там говорится» (цит. по Теплов, 1981, с. 117). Борис Михайлович Теплов был абсолютно прав, когда писал о Максе Вертгеймере: «Через все труды Вертгеймера красной нитью проходит одна центральная тенденция: от мертвой, сухой, абстрактной, формалистической психологии университетских кафедр и лабораторий к конкретной «жизненной» психологии, к «естественному способу мышления жизненно ощущающего человека»... С разных сторон, снова и снова, пытается он охватить научным исследованием всю полноту конкретной жизни, уловить действительное своеобразие психических процессов в том виде, как они протекают в «реальной жизни». Уже в первых работах эта тенденция выявлена очень сильно: утонченные психологические приемы следователя Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании» являются образцом для построения лабораторного эксперимента, делаются попытки создать театрализованный эксперимент. В дальнейшем эта тенденция углубляется, направляясь уже не только на методику эксперимента, но и на методы анализа материала, и в конце концов приводит к созданию... гештальтпсихологии. Пусть этот результат будет признан нами абсолютно не соответствующим заданию. Сейчас нам важно лишь отметить, что субъективно путь Вертгеймера был именно таков» (Теплов, 1981, с. 117).

В первых работах М. Вертгеймера подвергается исследованию «фактическое положение вещей». Нельзя полностью согласиться с тепловской оценкой этого этапа творчества М. Вертгеймера. Напомним, Б.М. Теплов пишет: «Большое внимание уделяется автором теоретическому осмыслению полученных результатов. В этой части Вертгеймер последовательно придерживается ассоциативной точки зрения и каких-либо оригинальных и интересных мыслей не высказывает. Наиболее интересный с теоретической стороны факт – появление, даже и против воли испытуемого, комплексных реакций в ответ на комплексное раздражение – объясняется «общими законами ассоциации». В объяснениях вовсе не фигурирует понятие бессознательного – в противоположность той интерпретации, которую получали результаты ассоциативного эксперимента у психоаналитиков. Вообще о каком-либо влиянии на Вертгеймера со стороны Фрейда и его школы говорить не приходится. Почти столь же незначительно и влияние Вюрцбургской школы. Автор ничтожно мало пользуется в своих рассуждениях понятием «детерминирующей тенденции», которое как раз в это время создавалось Ахом в недрах того же Вюрцбургского Института. От вюрцбургцев Вертгеймер заимствовал лишь умение утонченного и детального использования интроспекции. Их теории остались ему чужды. В этом сказались и присущая ему самостоятельность мысли, и столь характерная для него тяга к конкретному и возможно более точному знанию.

За неимением лучшего, ассоциативная точка зрения все же более удовлетворяла требованиям рационалистической науки, чем туманный и загадочный мир «чистой» мысли, открытый школой Кюльпе» (Теплов, 1981, с. 118-119).

В приведенном отрывке много верного. В частности, утверждения о «тяге к конкретному знанию», характерной для Вертгеймера, бесспорно, справедливы. Представляется, что все же с тепловской оценкой полностью согласиться нельзя. От вюрцбургской школы Вертгеймер взял много. В первую очередь следует упомянуть метод вспомогательного эксперимента, использовавшийся Ахом для «моделирования» действия детерминирующих тенденций (см. Мазілов, 1998). В экспериментах Вертгеймера легко увидеть сложную схему проведения: вначале испытуемый получает некоторое «воздействие», результаты которого потом «отслеживаются». В экспериментах Вертгеймера используется метод опосредствованного исследования: это вовсе не классическая интроспекция – не случайно сам автор называет процедуру «квазисудоговорение». Стоит подчеркнуть – и с этим согласен Б.М. Теплов – методическое мастерство направлено именно на организацию дополнительных экспериментов (без которых «экспериментальная диагностика фактического положения вещей» фактически невозможна: методы ассоциации, репродукции, ассоциативных вопросов, метод восприятия, метод отвлечения внимания».

Б.М. Теплов и М. Вертгеймер, бесспорно, могут быть отнесены к числу выдающихся психологов двадцатого столетия. Оба внесли значительный вклад в становление научной психологии, обогатили мировую психологическую науку новыми подходами, были авторами фундаментальных теорий. Вместе с тем представляется, что между ними существует куда более глубокое сходство, чем принято считать. Можно полагать, что в первую очередь сходство состоит в принципиальной близости позиций по вопросу, значимому для любой научной психологии – по вопросу об отношении психологической теории к практике, к жизни: «Психология должна изучать «жизненное» и при этом оставаться подлинной наукой» (Теплов, 1981, с. 117). На наш взгляд, эта «центральная тенденция творчества» Вертгеймера является основной и для Б.М. Теплова. Как известно, Б.М. Тепловым была написана большая статья о М. Вертгеймере, которую мы неоднократно цитировали. По-видимому, эта статья может датироваться 1935 годом. Опубликована она была лишь в 1981 году. Высокие оценки, содержащиеся в этом тепловском тексте, свидетельствуют об особом отношении автора к М. Вертгеймеру: «Умнейший и талантливейший ученый, создавший самую влиятельную – для определенной эпохи – психологическую теорию, придумавший буквально все основные идеи ее...» (Теплов, 1981, с. 131). Оборвем цитату: к ее продолжению нам еще предстоит вернуться. Бросается в глаза удивительный «параллелизм» в творчестве выдающихся психологов. Оба отдали дань исследованиям восприятия. И Вертгеймер и Теплов были «первопроходцами» в исследовании проблем практического мышления (первый в начале века, отказавшись от традиционных методик вюрцбургской школы, проводит исследование о числах и числовых образах у примитивных народов, второй, как известно, положил начало исследованиям мышления в конкретной деятельности, что привело к формированию самостоятельного направления в отечественной психологии мышления). И Вертгеймер и Теплов пытались создать (естественно, разными путями и различными средствами) строгую научную теорию, направленную, в конечном счете, против психологии, порожденной

картезианским дуализмом. Если в конце жизни Вертгеймер обратился к исследованию социальных проблем и проблем личности (теория этики, проблемы демократии, человеческое достоинство), то Теплов занимался психофизиологией индивидуальных различий человека. Рискну предположить: если бы «оттепель» наступила немного раньше, Борис Михайлович Теплов, вероятно, также заинтересовался бы социально-психологическими феноменами. Но, как заметил когда-то Александр Моисеевич Пятигорский, был «не сезон». К этому можно было бы добавить, что оба психолога имели музыкальное образование, увлекались музыкой, оба опубликовали работы по психологии музыки. Оба ценили художественную литературу как образец жизненной психологии, оба использовали фрагменты литературных произведений в собственных психологических исследованиях. Можно увидеть и другие черты сходства: похож «научный стиль» – те характеристики, которые Теплов обнаруживает у Вертгеймера (тщательная продуманность применяемых методов, безусловная доказательность, чрезвычайная добросовестность и т.д.), в полной мере могут быть отнесены и к нему. Наконец, оба психолога были людьми широкой образованности и культуры. Можно предположить, что М. Вертгеймер (1880-1943) как представитель старшего поколения был для Б.М. Теплова (1896-1965) примером психолога, обладающего «редкой способностью действительно «жизненно» ставить психологические вопросы, находить «психологию» в самых разнообразных житейских ситуациях» (Теплов, 1981, с. 117). Не будем забывать того, что гештальтпсихология в двадцатые-тридцатые годы не только была ведущим направлением в мировой психологической науке, но и во многом символизировала научный подход к проблеме психического вообще. Не случайно совершенно особым образом относился к гештальтпсихологии Л.С. Выготский. Важно, что Вертгеймер, овладевший искусством интроспекции (первые работы которого были выполнены в Вюрцбурге, где, как известно, интроспективный метод достиг своей вершины), имел возможность убедиться, что процедуры аналитической интроспекции чрезвычайно «произвольны»: при специальном обучении (называвшемся тренировкой) испытуемого можно научить описывать либо содержания сознания, либо его структуру, либо даже акты сознания. Феноменологический метод гештальтпсихологии позволял покончить с «произволом» аналитической интроспекции. Гештальтпсихология выдвинула новое понимание предмета психологии, которое было неаналитическим (принцип целостности). Именно «целостность сознания» позволила в некоторой степени приблизить психологию к «жизни». А отказ от поиска психологических факторов, обеспечивающих эту целостность, делал гештальтпсихологию в глазах современников «настоящей» наукой. Слова Б.М. Теплова о том, что Вертгеймер один «из наиболее поучительных для нас» психологов, заслуживают внимания, т.к. позволяют лучше понять тенденции и логику развития психологической науки.

Есть все основания полагать, что Теплов был последователем М. Вертгеймера в исследованиях практического мышления. Последователем – не значит подражателем. К перспективной идее – исследовать практическое мышление, направленное на взаимодействие с реальностью, – Теплов «добавил» новый методологический ход: исследовать не «примитивное» мышление (наиболее «простое», «элементарное»), а мышление в его высших проявлениях, т.е. мышление профессионала. Вместо «генетического» хода мысли (от простого к сложному) Теплов использовал противоположный, полагая,

что объяснение высших проявлений поможет понять и менее развитые формы (как некогда было сказано: «рука человека – ключ к анатомии обезьяны»).

Теплов был первым, кто обратил внимание на методологическое значение работ М. Вертгеймера: «Но создание гештальттеории – не единственное обстоятельство, дающее Вертгеймеру право на наше внимание. Не только, а может быть, и не столько в этом – основная ценность его творческой личности. Центральная тенденция его психологической работы интереснее и ценнее для нас, чем порожденная им гештальттеория. Она-то – эта тенденция – дает нам право назвать Вертгеймера «одним из замечательнейших психологов современности» (Л.С. Выготский) и притом одним из поучительных для нас, советских психологов» (Теплов, 1981, с. 117).

Обратимся к работам Вертгеймера по психологии мышления, которые, по авторитетному свидетельству Теплова, «представляются самыми ценными произведениями» Вертгеймера. «Умный, талантливый и добросовестный исследователь, задавшийся сделать психологию «жизненной», не потеряв при этом «научности», силою фактов был приведен к тому единственному методу научного мышления, которым эта цель могла быть достигнута, – диалектике. Упрямые факты потребовали еще больше: они потребовали материалистического объяснения. И Вертгеймер проявил исключительную для буржуазного ученого «объективность»: он выполнил и это требование фактов. Так было написано одно из замечательнейших исследований в области мышления – работа Вертгеймера о числах и числовых образах у примитивных народов» (Теплов, 1981, с. 121).

Не имея возможности здесь дать развернутый анализ работы Вертгеймера в целом, остановимся на отдельных моментах. Заслуживает внимания тот момент, согласно которому числовое мышление примитива есть практическое. Вертгеймер указывает, что мышление определяется биологической полезностью, биологическими факторами. Как комментирует этот тезис Б.М. Теплов, «Вертгеймер под «биологическими факторами» понимает практику, в частности же и главным образом – трудовую практику (Теплов, 1981, с. 121).

Достоин внимания и другой момент: Вертгеймер подчеркивает, что мышление примитива не является низшей ступенью логического, абстрактного мышления «цивилизованного» человека. Впрочем, предоставим слово Теплову, который сочувственно оценивает вывод Вертгеймера: мышление примитива «принципиально от него отлично своим отношением к практическим задачам; оно менее абстрактно, гораздо сильнее определяется конкретными задачами практики» (Теплов, 1981, с. 121).

Приведем высказывание Вертгеймера (в переводе Б.М. Теплова) о мышлении примитива, которое «дает и меньше и больше, чем наше чисто-логическое мышление. Меньше, потому что многие мыслительные операции всеобщего и произвольного характера лежат вне его поля зрения; больше, потому что оно движется путями, принципиально близкими к действительности... Это недостаток с точки зрения технического прогресса и т.п., но это преимущество с точки зрения приспособленности к конкретным житейским ситуациям» (Теплов, 1981, с. 121).

Следующий момент, на котором акцентирует внимание и Теплов, – утверждение Вертгеймера, что и современный цивилизованный человек в практической жизни постоянно пользуется «близким к действительности» типом мышления. Согласно Вертгеймеру, практическое мышление сущест-

вует и у современного цивилизованного человека и не является только характерным для примитива.

Теплов также выделяет положение Вертгеймера, согласно которому отношения между понятиями отражают отношения между вещами.

Другой момент, подчеркивающий новизну подхода Вертгеймера к трактовке мышления. Большинство работ по психологии мышления предполагало, что мышление есть реализация логических схем. Вюрцбургские исследования показали, что существуют неосознаваемые тенденции. Но в целом изучались процессы суждения, умозаключения в лабораторных условиях. Вертгеймер внес в исследования мышления жизнь: мышление впервые целенаправленно рассматривалось как обслуживающее практику.

Несомненной заслугой М. Вертгеймера явилось то, что он проанализировал специфику числового мышления примитива, выявив не только особенности содержания, но и операций мышления, связав это со специфической мотивацией (жизненными задачами). Теплов отмечает, анализируя работу Вертгеймера, что «мышление применяет понятие не в любой логической операции, а только там, где оно имеет биологический смысл.

Особенно стоит отметить, что Вертгеймер анализирует специфику обобщений, используемых практическим мышлением. Они, несомненно, специфичны – их специфика в роли, которую они выполняют «в жизни». Вот как характеризует эту специфику сам Б.М. Теплов: «Образы неопределенного множества (Haufengebilde), не играющие в математике никакой роли, в естественных условиях жизни (а также у крестьян, пастухов, охотников, поваров, торговцев, садовников) часто имеют большое значение и достигают высокой ступени развития; например, стадо, стая, толпа, горсть, носимый груз, «груз на одного верблюда», «сколько следует», и «по вкусу» – в поваренных рецептах; много, мало. Сюда же примыкают образы множества с приблизительной числовой характеристикой: «человек около сорока лет», «20-е годы прошлого столетия», «было человек двенадцать». Не надо думать, что эти приблизительные понятия свидетельствуют о недостатках мышления, его неточности, смутности. Бывают задачи, в которых было бы практически бессмысленно выводить числовую точность за границы, определяемые природой самой задачи. Но «принципиальная структура нашей логики требует чуждой действительности оценки точности». Существуют вопросы, бессмысленные с формально-логической точки зрения, но имеющие реальный смысл с точки зрения живого мышления...» (Теплов, 1981, с. 121).

Аналогично Вертгеймер обнаруживает специфику в функционировании операций деления и сложения, представлении числового ряда и т.д.: «не всякий осмысленный счет состоит в присчитывании единицы» и «бесконечность числового ряда ограничивается практической целесообразностью».

Работа Вертгеймера (Wertheimer, 1925) завершается формулированием «методических указаний», адресованных исследователям примитивов. В начале века Вертгеймер формулирует положения, которые затем будут восприняты специалистами по кросскультурным исследованиям. Он подчеркивает, что исследователям вряд ли стоит ожидать у примитивов мыслительных структур и операций, свойственных современному «культурному» человеку. Исследователь не должен довольствоваться констатацией их отсутствия или недостаточно точного использования. Согласно Вертгеймеру, необходимо «вжиться» в способ мышления, особенно в потребности людей, с которыми это мышление связано. Б.М. Теплов в своей статье, многократно цитирован-

ной нами, утверждает: «Эти методические указания Вертгеймера остаются в полной мере справедливыми и актуальными и для нас, советских психологов» (Теплов, 1981, с. 123). Приведем перечень тех, которые кажутся столь важными Б.М. Теплову: «Перед ним (исследователем числового мышления примитива – В.М.) должны стоять следующие вопросы: «Как поступают люди, когда жизнь ставит перед их мыслью такие задачи, в которых мы оперируем числами? И каковы бывают эти задачи?» Для ответа на эти вопросы надо производить наблюдения в таких, например, положениях: при доставке древесных стволов для постройки дома или корма для скота; при нехватке животных в стаде; при подсчете числа животных, необходимых для перевозки груза; при оценке вражеских сил, числа неприятельских лодок; при оценке длины пути; при дележе добычи; при меновой торговле; при уплате податей и штрафов; при ремесленных работах и т.д. Самое главное – производить все испытания на задачах, имеющих для исследуемых лиц практический смысл. Лучше всего не давать никаких абстрактных задач, а только задачи, имеющие реальное значение». «Ведь просто-напросто неумно требовать от людей того, что им представляется абсурдным, бессмысленным или противным здравому смыслу» (Теплов, 1981, с. 123).

В другой работе М. Вертгеймер исследует процессы умозаключения в продуктивном мышлении. Эта работа более известна, ее результаты обсуждает К. Дункер (Dunker, 1945). Новым здесь является исследование именно протекание мыслительного процесса, а не логическая характеристика. Это дает возможность по-новому рассмотреть сам процесс. Вертгеймер отвергает «логику Бога», которому все заранее известно, утверждая, что сами понятия в процессе рассуждения изменяют свое реальное содержание. Фактически, Вертгеймер одним из первых в психологии ставит вопрос об организации опыта человека. Понятие, которое человек имеет о вещи в процессах мышления не только обогащается, но и изменяется, и углубляется. Приведем тепловскую оценку этого труда М. Вертгеймера: «Основная мысль совершенно правильна: «продуктивное» мышление осуществляется не путем комбинирования заранее данных в готовом виде и неизменных понятий, а путем все нового и нового раскрытия этих понятий, изменения и обогащения их и тем самым приближения к тому, «что требуется фактами». С методической точки зрения эта работа интересна как новая иллюстрация того, что мы назвали «центральной тенденцией» творчества Вертгеймера: стремления искать «психологию» в материале, даваемом реальной жизнью, и умения находить ее там» (Теплов, 1981, с. 125).

Итак, представляется очевидным, что многие положения работы М. Вертгеймера, нашедшие сочувственный отклик и вызвавшие восхищение Б.М. Теплова, были учтены в его исследовании практического мышления. Напомню, статья может быть датирована 1935 годом (сама рукопись датировки не имеет, но в тексте есть указания, позволяющие ее осуществить). С нашей точки зрения пионером научно-психологических исследований практического мышления вполне может считаться М. Вертгеймер (Wertheimer, 1906). Несомненно, Теплов внес свою логику в разработку проблемы. В первую очередь, он взял в качестве объекта исследования профессионала высокого уровня. Впрочем, работа Б.М. Теплова является классикой.

Гештальтистские представления о мышлении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальт-теории мышления можно видеть три этапа:

I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Кофки, В. Келера и др., выполненные в 20-х гг.).

II. «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 30-е – 40-е гг.).

III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 50–70-е гг.).

Эволюция представлений о творческом мышлении в гештальтпсихологии описана достаточно подробно (см. об этом Мазиллов, 2010).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мазиллов В. А. Проблема творческого мышления в гештальтпсихологии: эволюция подходов // Психология интеллекта и творчества: Традиции и инновации: Материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А.Пономарева и В.Н.Дружинина, 7-8 октября 2010 г. – М.: Изд-во ИП РАН, 2010. – С. 46-54.
2. Теплов Б. М. О Максе Вертгеймере, основателе гештальтпсихологии // Вопросы психологии. – 1981. – № 6. – С.116-132.
3. Duncker K. On Problem-Solving / Psychological Monographs, 1945, v.58, No 5.
4. Wertheimer M. Experimentelle Beitrage zur atbestandsdiagnostik // Arch. f. die ges. Psych., 1906, 6. – S. 59-131.
5. Wertheimer M., Klein J. Psychologische Tatbestandsdiagnostik// Arch. f. Kriminalantropologie, 1904, 15. – S. 72-115.
6. Wertheimer M. Über das Denken der Naturvölker// Wertheimer M. Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie. Erlangen, 1925. – S. 106-163.
7. Wertheimer M. Über Schlussprozesse in produktiven Denken // Wertheimer M. Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie. Erangen, 1925. – S. 164-184.

Мазиллов В. А. ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ

Статья посвящена предыстории исследований творческого мышления в гештальтпсихологии. Представлен комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии; выделено три этапа эволюции гештальттеории мышления.

Ключевые слова: гештальтпсихология, мышление, творческое мышление, этапы эволюции гештальттеории мышления.

Mazilov V. A. RESEARCHES OF CREATIVE THINKING IN GESHTALTPSYCHOLOGY: PREHISTORY

Article is devoted to the observation of prehistory of creative thinking researches in geshtaltpsychology. Complex of grounding positions concerning thinking in geshtaltpsychology are presented; three stages of gestalt theory of thinking evolution are defined.

Keywords: geshtaltpsychology, thinking, creative thinking, stages of gestalt theory of thinking evolution.

УДК 159.928.22

Мазяр О. В. (м. Житомир)

КОНЦЕПТУАЛЬНІ ПАРАЛЕЛІ ВИРІШЕННЯ ПРОБЛЕМИ ОБДАРОВАНОСТІ У ПРАЦЯХ І.О. СІКОРСЬКОГО ТА В.О. МОЛЯКО

У статті аналізуються закономірності розвитку теорії обдарованості на прикладі концептуальних положень І.О. Сікорського та В.О. Моляко. Зокрема, представлені близькі погляди на взаємозв'язок психофізіологічних та особистісних факторів обдарованості, роль зовнішніх перешкод і розвиток вольових здібностей.

Ключові слова: задатки, обдарованість, здібності, творчість.